
**ХАЛЫҚҚА ҚАРСЫ ЖАСАЛҒАН ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ОКТЯБРЬ
БАҒДАРЛАМАСЫНЫҢ ІСКЕ АСЫРЫЛУЫ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТРАГЕДИЯЛЫҚ ЗАРДАПТАРЫ
РЕАЛИЗАЦИЯ АНТИНАРОДНОЙ ПРОГРАММЫ МАЛЫЙ ОКТЯБРЬ
В КАЗАХСТАНЕ И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
IMPLEMENTATION OF THE ANTI-PEOPLE PROGRAM
LITTLE OCTOBER IN KAZAKHSTAN AND ITS TRAGIC CONSEQUENCES**

МРНТИ: 03.23.55; 03.23.31; 03.61.91

**БУХТАРМИНСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ В УСЛОВИЯХ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И РАСКУЛАЧИВАНИЯ В ЗЫРЯНОВСКОМ
РАЙОНЕ СЕМИПАЛАТИНСКОГО ОКРУГА**

Жакишева Сауле Ауқеновна¹

¹доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан; e-mail: adiconilau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-298X>

Аннотация. В статье впервые комплексно исследуется политика раскулачивания бухтарминских старообрядцев Зыряновского района Семипалатинского округа как составная часть системы массовых политических репрессий в Казахстане конца 1920-х – начала 1930-х гг. Исследование выполнено в рамках современных концептуальных подходов Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, предполагающих рассмотрение коллективизации, конфискации имущества, раскулачивания, принудительных переселений и антирелигиозной политики как взаимосвязанных элементов единой репрессивной системы советского государства.

Источниковую основу составил широкий комплекс опубликованных и неопубликованных архивных документов центральных и региональных архивов Казахстана. Впервые в научный оборот введены массовые материалы Государственного архива Восточно-Казахстанской области, на основе которых сформирована проблемно-ориентированная база данных, включающая сведения о 865 раскулаченных хозяйствах. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, историко-правовой и сравнительно-правовой анализ, просопографический подход, методы исторической информатики и количественного анализа.

Реконструированы социально-демографический, имущественный и политический портреты репрессированных бухтарминских старообрядцев, определены особенности их хозяйственной специализации, семейной организации, имущественного положения и механизмы включения в категорию «кулацких» хозяйств. Установлено, что большинство репрессированных представляло собой трудовые семейные хозяйства с диверсифицированной экономикой, основанной на сочетании земледелия, животноводства,

пчеловодства и мараловодства, тогда как их имущественные характеристики далеко не всегда соответствовали официальным критериям кулачества. Показано, что основания репрессирования определялись совокупностью имущественных, политических, социальных и конфессиональных факторов. Применение новой методологии Государственной комиссии позволило интерпретировать раскулачивание бухтарминских старообрядцев не только как элемент советской аграрной политики, но и как форму массового нарушения естественных и неотъемлемых прав человека. Доказано, что репрессивная политика сопровождалась систематическим ограничением права собственности, права самостоятельно обеспечивать средства существования, свободы передвижения и совести, права семьи на воспитание детей и сохранение традиционного образа жизни. Сделан вывод, что объектом государственного воздействия являлись не только отдельные хозяйства, но и локальная этноконфессиональная община в целом, что обусловило разрушение ее социально-экономической, культурной и духовной основы. Полученные результаты расширяют современные представления о региональной специфике массовых политических репрессий в Восточном Казахстане и демонстрируют эвристический потенциал методологии Государственной комиссии для изучения различных категорий жертв советской репрессивной политики.

Ключевые слова: бухтарминские старообрядцы; коллективизация; раскулачивание; политические репрессии; Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий; естественные права человека; сравнительно-правовой анализ; просопография; историческая информатика; проблемно-ориентированная база данных; Казахский Алтай; Зыряновский район; Семипалатинский округ; Восточный Казахстан.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках Программы целевого финансирования ИРН: BR24993057 на тему «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации» (Договор на реализацию научных, научно-технических проектов программно-целевое финансирование №364/ПЦФе24е26 от 01 октября 2024 года, заключенного между Государственное Учреждение Комитет науки МНВО РК и РГП на ПХВ «Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета науки МНВО РК»).

ҒТАМР: 03.23.55; 03.23.31; 03.61.91

СЕМЕЙ ОҚРУГІНІҢ ЗЫРЯН АУДАНЫНДАҒЫ БУҚТАРМА ЕСКІ ДІН ҰСТАНУШЫЛАРЫ ҰЖЫМДАСТЫРУ ЖӘНЕ КУЛАҚТАРДЫ ТАП РЕТІНДЕ ЖОЮ САЯСАТЫ ЖАҒДАЙЫНДА

Жакишева Сауле Әукенқызы¹

¹ тарих ғылымдарының докторы, профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы; e-mail: adiconilau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-298X>

Аңдатпа. Мақалада алғаш рет Семей округінің Зырян ауданындағы Бұқтырма ескі сенімдегілерін тәркілеу саясаты 1920-жылдардың соңы – 1930-жылдардың басындағы Қазақстандағы жаппай саяси қуғын-сүргін жүйесінің құрамдас бөлігі ретінде кешенді түрде қарастырылады. Зерттеу Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия қалыптастырған жаңа әдіснамалық тұжырымдамаларға негізделген. Осы тұрғыдан ұжымдастыру, мүлікті тәркілеу, кулактарды жою, мәжбүрлі қоныс аудару және дінге қарсы саясат кеңестік мемлекеттің бірыңғай репрессиялық жүйесінің өзара байланысты элементтері ретінде талданады.

Зерттеудің деректік негізін Қазақстанның орталық және өңірлік архивтерінде сақталған жарияланған және жарияланбаған құжаттардың ауқымды кешені құрайды. Алғаш рет ғылыми айналымға Шығыс Қазақстан облысының мемлекеттік архивіндегі жаппай сипаттағы құжаттар енгізіліп, олардың негізінде тәркілеуге және жер аударуға ұшыраған 865 шаруашылық туралы мәліметтерді қамтитын проблемалық-бағытталған деректер базасы қалыптастырылды. Зерттеуде тарихилық пен объективтілік қағидаттары, тарихи-құқықтық және салыстырмалы-құқықтық талдау, просопографиялық әдіс, тарихи информатика мен сандық талдау тәсілдері қолданылды.

Зерттеу нәтижесінде қуғын-сүргінге ұшыраған Бұқтырма ескі сенімдегілерінің әлеуметтік-демографиялық, мүліктік және саяси келбеті қайта жаңғыртылып, олардың шаруашылық мамандануының, отбасы құрылымының, мүліктік жағдайының және «кулак шаруашылықтары» санатына енгізілу тетіктерінің ерекшеліктері айқындалды. Қуғындалғандардың басым бөлігі егіншілік, мал шаруашылығы, омарташылық және марал шаруашылығын ұштастырған көпсалалы еңбекші отбасылық шаруашылықтардың өкілдері болғаны анықталды. Сонымен бірге олардың едәуір бөлігінің мүліктік көрсеткіштері кеңестік билік белгілеген кулак шаруашылығының ресми өлшемдеріне сәйкес келмегені дәлелденді. Қуғын-сүргіннің негізінде тек мүліктік емес, сонымен қатар әлеуметтік, саяси және конфессиялық факторлардың жиынтығы жатқандығы көрсетілді.

Мемлекеттік комиссияның жаңа әдіснамасын қолдану Бұқтырма ескі сенімдегілерін тәркілеу саясатын кеңестік аграрлық реформаның құрамдас бөлігі ретінде ғана емес, адамның табиғи әрі ажырамас құқықтарын жүйелі түрде бұзуға бағытталған жаппай саяси қуғын-сүргіннің көрінісі ретінде бағалауға мүмкіндік берді. Зерттеу нәтижелері меншік құқығының, еңбек нәтижелеріне иелік ету құқығының, күнкөріс көздерін еркін қамтамасыз ету құқығының, ар-ождан және діни сенім бостандығының, еркін жүріп-тұру құқығының, сондай-ақ отбасының дәстүрлі өмір салтын сақтап, балаларды тәрбиелеу құқығының жүйелі түрде шектелгенін дәлелдейді. Репрессиялық саясаттың нысаны жекелеген адамдар немесе шаруашылықтар ғана емес, тұтас жергілікті этноконфессиялық қауым болғаны көрсетіледі. Бұл олардың әлеуметтік-экономикалық, мәдени және рухани негіздерінің күйреуіне алып келді. Зерттеу нәтижелері Шығыс Қазақстандағы жаппай саяси қуғын-сүргіннің өңірлік ерекшеліктері туралы ғылыми түсініктерді толықтырып, Мемлекеттік комиссия

әзірлеген жаңа әдіснаманың кеңестік репрессиялық саясат құрбандарының әртүрлі санаттарын зерттеудегі жоғары эвристикалық әлеуетін айқындайды.

Түйін сөздер: Бұқтырма ескі сенімдегілері; ұжымдастыру; тәркілеу; кулактарды жою; саяси қуғын-сүргін; Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия; табиғи құқықтар; салыстырмалы-құқықтық талдау; просопография; тарихи информатика; проблемалық-бағытталған деректер базасы; Қазақ Алтайы; Зырян ауданы; Семей округі; Шығыс Қазақстан. **Алғыс айту.** Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің ЖТН «BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.

IRSTI: 03.23.55; 03.23.31; 03.61.91

THE BUKHTARMA OLD BELIEVERS UNDER COLLECTIVIZATION AND DEKULAKIZATION IN ZYRYAN DISTRICT OF THE SEMIPALATINSK OKRUG

Saule A. Zhakisheva¹

¹Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: adiconilau@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0319-298X>

Abstract. This article presents the first comprehensive study of the dekulakization of the Bukhtarma Old Believers in the Zyryan District of the Semipalatinsk Okrug as an integral component of the system of mass political repression implemented in Kazakhstan during the late 1920s and early 1930s. The research is based on the contemporary methodological framework developed by the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repression, which interprets collectivization, property confiscation, dekulakization, forced resettlement, and anti-religious campaigns as interconnected elements of a unified repressive policy pursued by the Soviet state.

The study draws upon a broad corpus of published and unpublished archival materials from central and regional archives of Kazakhstan. For the first time, extensive documentary records from the State Archive of East Kazakhstan Region have been introduced into scholarly circulation. On their basis, a problem-oriented database comprising information on 865 dekulakized households was created. The methodological framework combines the principles of historicism and objectivity with comparative legal analysis, historical legal analysis, prosopography, historical informatics, and quantitative research methods.

The research reconstructs the socio-demographic, economic, and political profile of the repressed Bukhtarma Old Believers and identifies the principal features of their household organization, economic specialization, family structure, and the

mechanisms by which they were classified as kulak households. The findings demonstrate that most of the repressed families operated diversified labour-based household economies combining crop cultivation, livestock breeding, beekeeping, and, in some cases, maral farming. At the same time, the economic characteristics of many households did not correspond to the official Soviet criteria defining kulak farms. The study shows that repression was determined not only by property qualifications but also by a combination of political, social, and confessional factors.

Applying the new methodological approaches developed by the State Commission makes it possible to interpret the dekulakization of the Bukhtarma Old Believers not merely as an instrument of Soviet agrarian policy but as a form of mass political repression accompanied by systematic violations of fundamental human rights. The confiscation of property, forced deportation, compulsory labour in special settlements, suppression of religious life, and destruction of traditional economic practices resulted in the violation of the right to property, the right to earn a livelihood, freedom of movement, freedom of conscience, the right of families to preserve their traditional way of life, and parents' right to raise and support their children. The study demonstrates that the object of state repression was not only individual households but the entire local ethno-confessional community, leading to the destruction of its economic, social, cultural, and spiritual foundations. The findings substantially expand current understanding of the regional specificities of Soviet political repression in Eastern Kazakhstan and demonstrate the heuristic potential of the State Commission's methodological framework for studying diverse categories of victims of Soviet repressive policies.

Keywords: Bukhtarma Old Believers; collectivization; dekulakization; political repression; State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repression; natural human rights; comparative legal analysis; prosopography; historical informatics; problem-oriented database; Kazakh Altai; Zyryan District; Semipalatinsk Okrug; Eastern Kazakhstan

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Program-targeted financing (IRN: BR24993057) «Fundamental research of the main basic categories and subcategories of victims of political repression in Kazakhstan and the processes of their full rehabilitation» of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Введение

История старообрядческого населения Казахского Алтая традиционно занимает особое место в социальной, этнокультурной и конфессиональной истории Восточного Казахстана. Одной из наиболее самобытных групп русского населения региона являются бухтарминские старообрядцы, сформировавшиеся в результате нескольких миграционных волн XVII–XVIII вв. и длительного существования в условиях относительной изоляции в горных районах Южного Алтая. На протяжении более двух столетий они сохраняли своеобразный хозяйственный уклад, конфессиональные традиции и локальную идентичность,

что обусловило устойчивый интерес к ним со стороны историков, этнографов и антропологов.

Вместе с тем судьба бухтарминских старообрядцев в период реализации политики ликвидации кулачества как класса до настоящего времени не получила комплексного освещения в отечественной историографии. Особенности их хозяйственного уклада, высокий уровень имущественной обеспеченности значительной части хозяйств, компактное расселение и религиозная обособленность обусловили включение многих старообрядческих семей в число объектов массовых политических репрессий конца 1920-х – начала 1930-х гг. Конфискация имущества, раскулачивание, принудительное выселение и другие формы государственного принуждения оказали долговременное влияние не только на их социально-экономическое положение, но и на сохранение этноконфессиональной идентичности и традиционного образа жизни.

Актуальность исследования определяется необходимостью переосмысления судьбы бухтарминских старообрядцев в свете новых концептуальных подходов, разработанных Государственной комиссией по полной реабилитации жертв политических репрессий. В отличие от традиционной историографии, сосредоточенной преимущественно на реконструкции событий и характеристике репрессивных кампаний, современная методология предполагает комплексный анализ государственной политики с позиций естественного права, современных международно-правовых стандартов защиты прав человека и оценки последствий репрессивных практик для различных категорий населения. В рамках данного подхода массовая конфискация имущества, раскулачивание, коллективизация и принудительные переселения рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой советской репрессивной системы, повлекшей систематическое нарушение естественных и неотъемлемых прав человека.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении бухтарминских старообрядцев как самостоятельной подкатегории жертв массовых политических репрессий в контексте современной методологии Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, основанной на комплексном историко-правовом анализе репрессивной политики советского государства. Исследование опирается на ранее не введенные в научный оборот архивные материалы, позволяющие реконструировать масштабы, механизмы и последствия раскулачивания на примере одного из районов региона¹, а также впервые показать репрессии против бухтарминских старообрядцев не только как элемент аграрной политики советского государства, но и как систему массовых нарушений естественных прав человека. Такой подход позволяет расширить представления о региональной специфике политических репрессий в Восточном Казахстане и дополнить

¹ В 1928 году был образован Зыряновский район Семипалатинской области с административным центром в селе Зыряновское. В 1932 году Зыряновский район был передан вновь созданной Восточно-Казахстанской области.

современные исследования по истории реабилитации жертв массовых политических репрессий.

Историография изучения бухтарминских старообрядцев

Первые сведения о населении Бухтарминской долины содержатся в трудах исследователей XVIII–XIX вв. – П. С. Палласа (Паллас, 1770), А. А. Принтца (Принтц, 1867), Н. М. Ядринцева (Ядринцев, 1885), М. В. Швецово́й (Швецова, 1899) и других авторов. Их работы посвящены преимущественно хозяйственному освоению Южного Алтая, особенностям расселения русского населения и его взаимодействию с казахами и алтайцами. Несмотря на преимущественно описательный характер, они заложили источниковую и фактографическую основу последующего изучения бухтарминских старообрядцев.

Классическим исследованием истории, культуры и хозяйственного уклада бухтарминских старообрядцев остается монография Е. Э. Бломквиста и Н.П. Гринковой «Бухтарминские старообрядцы» (Бломквист, Гринкова, 1930)². Авторы впервые комплексно исследовали происхождение, социальную организацию, хозяйственную деятельность, семейный быт и религиозную жизнь старообрядческого населения, показав, что своеобразие бухтарминских общин определялось не только конфессиональной принадлежностью, но и спецификой освоения приграничного пространства Южного Алтая. Особое внимание было уделено процессу формирования единой локальной общности из нескольких групп переселенцев. Исследователи отмечали, что основную часть населения составляли старообрядцы-кержаки³, тогда как самоназвание «каменщики» было связано с первоначальным расселением в труднодоступных горных районах («среди камней»). Наряду с ними значительную роль в формировании бухтарминских общин сыграли так называемые «поляки»⁴ – потомки ветковских старообрядцев, переселенных на Алтай после ликвидации старообрядческого центра в Ветке⁵ во второй половине XVIII в. Авторы также показали, что различия между «кержаками» и «поляками» постепенно нивелировались благодаря длительному совместному проживанию, хозяйственным связям и смешанным бракам, вследствие чего к XIX в. сформировалась единая историко-культурная общность бухтарминских старообрядцев.

Несколько особняком от староверцев находились православные переселенцы–новоселы: кержаки называли их «расея» (составляли в деревнях в

² Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова – члены этнографической Казахстанской экспедиции Академии наук СССР, проходившей в начальный период землеустройства 1927 г., когда продолжился процесс перераспределения земли между казахским населением, старообрядцами и прибывшими переселенцами. См.: Лихачев Е. Крестьянские хозяйства Бухтарминских старообрядцев // Проект Байкал. 2021. Т. 18. № 67. С. 157–162. С. 159.

³ Кержаки — выходцы главным образом из Нижегородского Заволжья (от названия реки Керженец).

⁴ «Поляки» — название группы старообрядцев, переселенных на Алтай с территорий бывшей Речи Посполитой (Беларуси, Литвы и Правобережной Украины), вошедших в состав Российской империи после ее разделов. Термин указывает на территорию прежнего проживания переселенцев, а не на их польское этническое происхождение.

⁵ Термин «ветки» (или «ветковские старообрядцы», «ветковцы») в исторической литературе обозначает потомков старообрядцев, происходивших из крупного старообрядческого центра Ветка, существовавшего в XVII–XVIII вв. на территории современной Гомельской области Беларуси. После ликвидации этого центра российскими властями значительная часть его населения была насильственно переселена в различные регионы Российской империи. С конца XVIII в. ветковские переселенцы появились в долинах рек Бухтармы, Убы, Ульбы, Катунь и Чарыша. Позднее они расселились по территории современного Восточного Казахстана, Алтайского края и Республики Алтай.

основном 25–27%). Это обычно была беднейшая часть населения, которая работала в кержацких хозяйствах в качестве сезонных и постоянных батраков. В материалах Катон-Карагайского районного исполнительного комитета на 1 августа 1927 г. подчеркивалась высокая имущественная обеспеченность старообрядческого населения: например, в деревне Белой 244 хозяйства (88 %) относились к категории зажиточных, что впоследствии стало одним из факторов их включения в кампанию раскулачивания (Бломквист, Гринкова, 1930: 51).

Анализ современной постсоветской историографии (Латышев 2021; Латышев 2023), свидетельствует о существенном расширении исследовательской проблематики. Российская и казахстанская историография рассматриваются как единое научное пространство, сформировавшееся на основе общего советского наследия, единой источниковой базы и активного научного взаимодействия исследователей (Латышев, 2023: 391).

Если для советской историографии было характерно преобладание этнографической проблематики, то современные исследования сосредоточены на изучении этноконфессиональной идентичности, последствий коллективизации, антирелигиозной политики и массовых политических репрессий. Значительное место занимают исследования государственной политики в отношении религиозных общин как составной части социалистической реконструкции деревни. В центре внимания находятся механизмы экономического, административного и идеологического давления, ликвидация религиозных организаций, преследование духовенства и активных мирян, а также разрушение традиционных форм самоорганизации религиозных сообществ (Алпыспаева, Саяхимова, 2022; Алпыспаева, Аубакирова, 2024). Практически не изучена проблема миграций, включая бегство части бухтарминских старообрядцев в Синьцзян в начале 1930–х гг.

Следует отметить, что в большинстве исследований коллективизация и раскулачивание анализируются преимущественно как социально-экономические преобразования или составная часть аграрной политики советского государства. Применительно к бухтарминским старообрядцам основное внимание уделяется трансформации хозяйственного уклада, демографическим изменениям и эволюции конфессиональной жизни, тогда как правовые основания репрессивных кампаний и их последствия с точки зрения нарушения фундаментальных прав человека до настоящего времени остаются недостаточно изученными.

Новый этап осмысления массовых политических репрессий связан с деятельностью Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, разработавшей концептуально новую методологию их исследования. Она основана на комплексном историко-правовом анализе партийно-государственных решений, нормативных актов и практики их реализации с позиций естественного права, общечеловеческих ценностей и современных международно-правовых стандартов защиты прав человека. В рамках данного подхода коллективизация, конфискация имущества, раскулачивание, принудительные переселения и антирелигиозная политика

рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой системы политических репрессий, сопровождавшейся систематическим нарушением естественных и неотъемлемых прав человека.

Принципиальная новизна данной методологии заключается в смещении исследовательского акцента с реконструкции репрессивных мероприятий на анализ их правовых и гуманитарных последствий. Предметом изучения становятся не только масштабы государственного насилия, но и конкретные формы нарушения естественных прав человека, включая право собственности, право на свободный труд и средства существования, свободу передвижения и совести, право на сохранение семьи, традиционного образа жизни и т. д.

В настоящем исследовании раскулачивание бухтарминских старообрядцев Зырянского района Семипалатинского округа рассматривается как составная часть системы массовых политических репрессий, затронувшей одну из наиболее самобытных этноконфессиональных общин Восточного Казахстана. Применение методологических подходов Государственной комиссии позволяет по-новому интерпретировать архивные материалы, раскрыть взаимосвязь экономических, административных и конфессиональных механизмов репрессивной политики и дать ее оценку через призму системного нарушения естественных и неотъемлемых прав человека.

Материалы и методы исследования

Источниковую основу исследования составляет комплекс опубликованных и неопубликованных документов, отражающих реализацию политики коллективизации и раскулачивания в Зырянском районе Семипалатинского округа в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Основной массив источников сосредоточен в фонде № 7 Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГАВКО, ф. 7, оп. 1, д. 70, 87, 117, 141–166), содержащем материалы окружных и районных органов управления, комиссий по раскулачиванию, сельских советов и других учреждений, непосредственно осуществлявших конфискацию имущества и выселение крестьянских хозяйств. Кроме того, использованы документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (Ф. 247), Архива Президента Республики Казахстан (Ф. 141), Центрального государственного архива общественно-политической истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО, ф. 152, оп. 1, д. 665; ф. 578, оп. 1, д. 83), а также опубликованные материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Документальный комплекс включает нормативно-правовые акты, постановления, протоколы заседаний, служебную переписку, статистические отчеты, материалы текущего делопроизводства партийных и советских органов, характеристики на раскулаченных, учетные документы, обращения репрессированных и членов их семей. Сопоставление документов различных уровней управления позволило проследить взаимосвязь между нормативным регулированием репрессивной политики и практикой ее реализации на территории Восточного Казахстана.

Особую ценность представляют характеристики, архивные справки и учетные документы, составленные в отношении лиц, подвергшихся раскулачиванию. Несмотря на выраженную идеологическую направленность и необходимость критического источниковедческого анализа, они содержат уникальные сведения о составе семей, имущественном положении, хозяйственной специализации, конфессиональной принадлежности, размерах посевов, количестве скота, использовании наемного труда и обстоятельствах репрессирования. Их комплексное использование позволяет реконструировать социально-экономический облик бухтарминских старообрядцев и определить их место в структуре раскулаченного населения Зырянского района.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и комплексного анализа источников, а также концептуальные положения, разработанные Государственной комиссией по полной реабилитации жертв политических репрессий. Исследование опирается на сравнительно-правовой анализ советского законодательства, концепции естественного права и современных международно-правовых стандартов защиты прав человека. Такой подход позволяет рассматривать коллективизацию, конфискацию имущества, раскулачивание и принудительные переселения не только как элементы аграрной политики советского государства, но и как взаимосвязанные формы массовых политических репрессий, сопровождавшихся систематическим нарушением фундаментальных прав человека.

Важное место в исследовании занимает просопографический подход, позволивший рассматривать раскулаченных старообрядцев не как совокупность отдельных биографий, а как локальную историческую общность, объединенную общими социальными, хозяйственными и конфессиональными характеристиками. Основным исследовательским инструментом стала проблемно-ориентированная база данных, сформированная на основе архивных материалов о 865 хозяйствах, подвергнутых конфискации имущества и выселению. Для ее создания была разработана унифицированная анкета, включающая 96 показателей, отражающих социально-демографические, имущественные, хозяйственные и конфессиональные характеристики репрессированных семей. В качестве источников использовались протоколы сельских советов, характеристики на раскулаченных, архивные справки ОГПУ, материалы служебной переписки и документы административного делопроизводства. Унификация показателей обеспечила сопоставимость сведений, содержащихся в документах различного происхождения, и возможность их последующего количественного анализа.

В качестве примера можно привести характеристику, утвержденную на заседании Верхне-Мякотинского сельского совета и составленную на основании материалов Восточного отдела ПП ОГПУ по Казахстану.

«Характеристика кулака Маюнова Фиалого Леонтьевича

Маюнов Фиалог Леонтьевич 1901 года рождения Верхне-Мякотинск, жена Зиновья 30 лет, сын Аким 1915 года, дочь Устиня 1907 года. Русский (кержак), кулак. Лишен голоса в 1930 году за эксплуатацию чужого труда. С/х –

пчеловодство. До 1919 года крупное кулацкое хозяйство – пчеловодство, животноводство, полеводство, сложные с/х машины, наем батраков. 1919-27 гг. Посев 15,5 га., лошадей 9, коров 10, баранов 30, пчел 16, свинья 1, дом, 2 амбара, сенокосилка, грабли, 2 плуга, хоток, телега, веялка и найм рабочих сроковых и сезонных. Доход 1023 руб., Налог 102 руб. Имущество 1927 года не изменилось. Доход 314 руб, налогу 26 руб, имел сроковых и сезонных рабочих. Хозяйство все растранижил» (ГАВКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 160: 13). Документ содержит развернутую информацию о составе семьи, конфессиональной принадлежности, имущественном положении, специализации хозяйства, размерах посевных площадей, количестве скота и пчелосемей, наличии сельскохозяйственного инвентаря, использовании наемного труда, размере доходов и налоговых обязательств, а также включает оценочные характеристики, отражающие официальную позицию органов власти в отношении репрессируемого хозяйства (ГАВКО, ф. 7, оп. 1, д. 160: 4). Именно подобные документы стали основным источником для реконструкции социального портрета раскулаченных крестьян Зырянского района.

Для обработки базы данных применялись методы исторической информатики, аналитической просопографии, математико-статистического анализа и группировки данных. Их использование позволило реконструировать коллективный социальный портрет бухтарминских старообрядцев, определить особенности их хозяйственной специализации, имущественного положения, семейной структуры и механизмов включения в категорию «кулацких» хозяйств, а также выявить закономерности выселения и конфискации имущества. Сочетание количественного анализа с историко-правовой интерпретацией архивных материалов обеспечило возможность рассмотреть раскулачивание не только как административно-политическую кампанию, но и как систему репрессивных практик, затронувших экономические, социальные, конфессиональные и культурные основы жизни бухтарминских старообрядцев.

Социально-экономический уклад старообрядческих хозяйств Бухтарминской долины

Социально-экономический уклад бухтарминских старообрядцев складывался на протяжении более полутора столетий под воздействием специфических природно-географических условий Казахского Алтая. Изолированность Бухтарминской долины, удаленность от административных центров и относительная автономность хозяйственной жизни способствовали формированию устойчивой модели традиционного крестьянского хозяйства, сочетающей земледелие, животноводство, пчеловодство, мараловодство, охотничьи промыслы и различные виды сезонного заработка.

Основу экономической жизни бухтарминских старообрядцев составляло семейное трудовое хозяйство. В отличие от многих переселенческих районов Сибири, где наблюдалась высокая степень социальной дифференциации, в старообрядческих селениях Бухтарминского края преобладали хозяйства, основанные преимущественно на труде членов семьи. Наличие многочисленных семей обеспечивало достаточное количество рабочих рук и позволяло успешно

вести хозяйство без привлечения постоянной наемной силы. Это позволяло сохранять относительную экономическую независимость. Наличие больших семей способствовало концентрации трудовых ресурсов и обеспечивало устойчивость хозяйств даже в сложных природно–климатических условиях.

Особую роль играло пчеловодство, ставшее одной из наиболее характерных отраслей экономики Бухтарминского края. Благоприятные природные условия горно–таежной зоны способствовали развитию товарного производства меда и воска, которые реализовывались далеко за пределами региона. Многие семьи владели десятками ульев, а доходы от пчеловодства нередко превышали прибыль от земледелия. Наряду с этим важную роль играли скотоводство (коневодство, выращивание крупного и мелкого рогатого скота), мараловодство и земледелие. Старообрядцы выращивали зерновые культуры, обеспечивая собственные потребности и формируя определенный товарный излишек.

Существенной особенностью бухтарминского хозяйства являлась его комплексность. В отличие от специализированных хозяйств степных районов Казахстана, здесь практически каждая семья сочетала несколько видов экономической деятельности. Такая диверсификация позволяла снижать риски, связанные с климатическими условиями, неурожаями или колебаниями цен на продукцию.

Именно подобная хозяйственная устойчивость, относительное благополучие значительной части этого населения впоследствии стали одной из причин включения многих старообрядческих семей в категорию «кулацких» хозяйств. В условиях перехода к политике сплошной коллективизации хозяйственная самостоятельность все чаще воспринималась властями как проявление социально–экономической обособленности и потенциального сопротивления советским преобразованиям. Экономическая самостоятельность, наличие хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря, пасек и скота зачастую воспринимались как признаки социальной эксплуатации независимо от реального характера организации труда.

Материалы архивных дел и результаты исследования социального состава раскулаченных хозяйств Зыряновского района показывают, что многие семьи, отнесенные к категории кулаков, представляли собой типичные трудовые хозяйства старожильческого населения. Таким образом, объектом репрессивной политики стали не только действительно зажиточные хозяйства, но и значительная часть наиболее экономически устойчивого слоя бухтарминского общества.

Материалы исследования позволяют сделать важное наблюдение: многие хозяйства, подвергшиеся раскулачиванию в Зыряновском районе, по своим экономическим показателям не являлись крупными собственниками. Средний размер посевных площадей был сопоставим с хозяйствами среднего достатка, а к началу 1930–х гг. наблюдалось даже сокращение размеров обрабатываемых земель. Это свидетельствует о том, что критерии отнесения к категории кулаков

зачастую определялись не столько реальным имущественным положением, сколько политическими установками периода коллективизации.

Важной особенностью развития бухтарминских старообрядческих общин являлось их тесное хозяйственное взаимодействие с коренным населением Южного Алтая (Куприянова, 2019). Несмотря на конфессиональную замкнутость, старообрядцы поддерживали устойчивые экономические связи с казахами и алтайцами, что способствовало взаимной адаптации в условиях приграничного региона. Показательно, что многие бухтарминцы свободно владели казахским, алтайским, монгольским и китайским языками, что существенно отличало их от большинства русского населения Сибири и свидетельствовало о длительных и регулярных контактах с местным населением.

Особенно активно взаимодействие проявлялось в хозяйственной сфере. Казахи являлись основными поставщиками рабочего и продуктивного скота, а также изделий из шерсти, кожи и войлока. Вместе с тем они широко привлекались старообрядцами в качестве сезонных работников для выполнения сельскохозяйственных работ, охраны пасек и маральников, обработки шерсти, изготовления упряжи и других ремесленных изделий. Примечательно, что при найме работников определяющее значение имели их профессиональные навыки, тогда как этническая и конфессиональная принадлежность не играла существенной роли. Подобные хозяйственные связи свидетельствуют о высокой степени экономической интеграции старообрядческих общин в региональное пространство, сохранившейся вплоть до начала советской модернизации.

Важным фактором интеграции старообрядческих общин в полиэтническое пространство Казахского Алтая стали брачные связи с представителями коренного населения. Хотя подобные союзы не носили массового характера, они способствовали преодолению демографической замкнутости небольших горных поселений, где выбор брачного партнера ограничивался как малочисленностью населения, так и строгими нормами старообрядческого брачного права, запрещавшими близкородственные браки. Как правило, такие браки заключались между старообрядцами и крещеными в старую веру казахскими женщинами, которые постепенно интегрировались в русскую конфессиональную среду, сохраняя при этом отдельные элементы своего происхождения. Эти обстоятельства существенно повлияли на традиции свадебных церемоний среди «каменщиков». В частности, практика брака «похищением» играла важную роль, а также существовал обычай уплаты значительной суммы, известной как «кладка» или «выговор», которая представляет собой выкуп за невесту и могла достигать 200 рублей (ЦДНИ ВКО, ф. 152, оп. 1, д. 665: 84). Отмечалось, что «почти в каждой деревне могут указать один или несколько домов, где дед или прадед, бабка или прабабка были «кыргызы» (Бломквист, Гринкова, 1930: 45).

Подобные семейные связи не привели к размыванию старообрядческой идентичности. Напротив, они стали одним из механизмов демографической устойчивости общин и одновременно способствовали укреплению добрососедских отношений с коренным населением. Родственные связи сохраняли свое значение и в советский период: по воспоминаниям

современников, в годы коллективизации старообрядцы нередко предупреждали своих казахских родственников о предстоящих репрессивных акциях и оказывали им помощь, укрывая от арестов и высылки.

Бухтарминские старообрядцы в социальной структуре раскулаченного крестьянства Зыряновского района

Политика раскулачивания в Зыряновском районе реализовывалась в рамках общесоюзной кампании ликвидации кулачества как класса, однако в условиях Казахского Алтая она приобрела ряд специфических особенностей. Если в казахских районах основным объектом репрессий выступали крупные скотовладельцы и представители сельской «аристократии» и бывшего царского чиновничества, то в старообрядческих поселениях под ударом оказались прежде всего экономически самостоятельные семейные хозяйства. Таким образом, раскулачивание представляло собой не отдельный административный акт, а комплексную систему политических, экономических и социальных мер, направленных на ликвидацию наиболее самодостаточной части сельского населения, обладавшего огромным влиянием на соплеменников.

Проведенный просопографический анализ позволяет реконструировать коллективный социально-демографический и политический портрет бухтарминских старообрядцев, подвергшихся раскулачиванию в Зыряновском районе. Исследование основано на материалах проблемно-ориентированной базы данных, включающей сведения о 865 репрессированных хозяйствах.

Установлено, что репрессиям подвергались преимущественно главы зрелых и экономически состоявшихся крестьянских хозяйств, и их семьи. Средний возраст репрессированных составлял 49,5 года, при этом наиболее многочисленной была возрастная группа 50–59 лет (40,5 %), тогда как лица моложе 30 лет составляли лишь 4,8 %. Подобная возрастная структура свидетельствует, что основным объектом раскулачивания являлись не молодые крестьяне, а поколение, сформировавшее хозяйства в дореволюционный период и обладавшее значительным производственным опытом. Значительную часть также составляли лица в возрасте 30–39 лет (21,4%) и 40–49 лет (16,6%), на которые в совокупности приходилось 38,0% репрессированных. Доля лиц старше 60 лет была относительно невысокой (16,7%).

Представленные данные позволяют сделать вывод, что политика ликвидации кулачества как класса была ориентирована, прежде всего, на экономически активную часть старообрядческого населения, являвшуюся основой семейных хозяйств и носителем традиционных форм хозяйствования. Это свидетельствует о том, что возраст являлся косвенным отражением хозяйственного статуса репрессируемых, поскольку репрессивные мероприятия затрагивали главным образом лиц, возглавлявших наиболее устойчивые и имущественно обеспеченные хозяйства.

Подавляющее большинство репрессированных составляли мужчины (91 %), что объясняется их статусом глав семейных хозяйств. По национальному составу преобладали русские (82 %) и русские-кержаки (14,3 %), тогда как представители других национальностей (украинцы, немцы и казахи) встречались

единично (по 1,3 %). Присутствие в документах отдельной категории «русские–кержаки» имеет принципиальное значение. Оно позволяет предположить, что значительная часть репрессированных принадлежала именно к старообрядческому населению Бухтарминского края. При реконструкции национального состава раскулаченных были встречены определенные проблемы, ввиду того что в период формирования личных характеристик репрессируемых ПП ОГПУ очень часто не обозначалось его религиозная принадлежность, что стирало границу между старообрядческим населением Казахского Алтая и недавно прибывшими переселенцами. Лишь в Верхне–Мякотинском сельсовете национальность кулаков обозначалось термином «русский–кержак», что скорее всего может быть распространено на большинство русского населения региона. Незначительная доля казахских хозяйств (1,3%) объясняется тем, что основная масса байских хозяйств была конфискована еще в ходе кампании 1928 г., предшествовавшей массовому раскулачиванию крестьянского населения.

Репрессированные характеризовались устойчивой семейной структурой. Численность членов семьи варьировалась от двух до десяти человек, однако наиболее распространенными были домохозяйства, состоявшие из четырех (29,7%), пяти (21,6%) и шести (13,5%) человек. Семьи, включавшие восемь человек, составляли 16,2% от общего числа. Средняя численность семьи составляла 5,3 человека, причем наиболее распространенными были семьи из четырех–пяти человек. Для большинства хозяйств (90%) было характерно наличие нескольких несовершеннолетних детей: в среднем в семье воспитывалось около трех детей младше 15 лет, а треть семей имела именно троих несовершеннолетних. Эти данные свидетельствуют, что раскулачивание затронуло преимущественно многодетные семьи трудоспособного возраста, лишая средств к существованию не только глав хозяйств, но и значительное число членов их семей. Наиболее типичной являлась семья с одним (48,3%) или двумя (32,2%) взрослыми сыновьями, что свидетельствует о преобладании трудовых семейных хозяйств, основанных преимущественно на использовании собственного труда.

Политическая биография репрессированных также имела существенное значение. Все они проходили по второй группе раскулачивания⁶. Анализ архивных материалов показал, что 27,3 % обследованной выборки ранее принимали участие в Алтайском восстании 1920 г. – одним из крупнейших антибольшевистских выступлений на территории Южного Алтая, вызванном политикой «военного коммунизма», продовольственными реквизициями,

⁶ 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает секретное Постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», согласно которому все так называемые «кулаки» разделялись на три категории с различной мерой наказания. К 1–й категории причислялся проходящий по линии ОГПУ контрреволюционный кулацкий актив (организаторы и участники террористических актов, повстанческих групп, а также лица, замеченные или заподозренные в любых формах антисоветской агитации), который следовало ликвидировать путем заключения в концентрационные лагеря, не останавливаясь перед применением высшей меры наказания – расстрела. Ко 2–й категории причисляли кулаков и подкулачников, т.е. наиболее зажиточных крестьян и сочувствующих им. Они подлежали принудительной высылке в малозаселенные местности СССР, а в пределах края (области) в отдаленные его районы. В 3–ю категорию входили оставляемые в пределах района кулаки, которых расселяли на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках.

мобилизациями, ограничением свободы торговли и вмешательством государства в традиционный хозяйственный и религиозный уклад сельского населения. Кроме того, 17 % репрессированных являлись участниками Белого движения, преимущественно в армии Колчака даже в офицерском чине, либо в военной дружине, а 9 % ранее состояли на службе в органах царской администрации: городскими, жандармами, атаманами и т.д. Эти сведения позволяют сделать вывод, что при определении контингента раскулаченных учитывались не только имущественные показатели хозяйств, но и политическое прошлое их владельцев. Спустя почти десятилетие после окончания Гражданской войны участие в антибольшевистском движении продолжало рассматриваться советскими органами как признак политической неблагонадежности и служило дополнительным основанием для применения репрессивных мер.

Характерной особенностью исследуемой группы являлось практически полное лишение гражданских прав: 98,3 % репрессированных были поражены в правах еще до проведения раскулачивания. Формальными основаниями выступали использование наемного труда, владение сельскохозяйственной техникой, участие в торговле либо принадлежность к бывшим привилегированным слоям населения.

Почти половина обследованных владельцев хозяйств (46,7 %) ранее привлекалась к уголовной ответственности. Большинство осужденных привлекалось к ответственности по статье 61 УК РСФСР (75,9%), тогда как по статье 58 проходило 13,8% репрессированных. Это свидетельствует о формировании органами власти своеобразного «контингента политически неблагонадежных лиц», который в период коллективизации стал одной из первоочередных категорий жертв репрессивной политики.

Существенным фактором репрессий становилась религиозность населения. Старообрядцы традиционно воспринимались местными властями как социально замкнутая группа, недостаточно вовлеченная в советские общественные структуры. В результате религиозная принадлежность нередко становилась дополнительным аргументом при принятии решений о лишении избирательных прав и последующем раскулачивании.

Анализ распределения репрессированных по местам высылки показывает, что основным пунктом их размещения являлся Хамирский участок леспромхоза, урочище Широкий Лог, куда было направлено 558 хозяйств, или 77,5%. Остальные спецпереселенцы распределялись по другим населенным пунктам и участкам леспромхозов в значительно меньших масштабах.

Так, в Хамирский участок леспромхоза без указания конкретного урочища было направлено 51 хозяйство (7,1%), в Тургусунский участок леспромхоза, урочище «Бедарева пасека», – 39 хозяйств (5,4%), в урочище «Короткие речки» Хамирского участка – 33 хозяйства (4,6%), в поселок Орловка – 28 хозяйств (3,8%), тогда как в урочище Столбоуха было размещено лишь 11 хозяйств (1,5%). Сведения по более 100 хозяйствам отсутствуют. Подобное распределение полностью соответствовало общесоюзной практике начала 1930-х гг., когда спецпереселенцы использовались в качестве принудительной рабочей силы на

лесозаготовках, строительстве дорог и производственной инфраструктуры. Таким образом, высылка бухтарминских старообрядцев была направлена не только на политическую изоляцию и разрушение экономически самостоятельных хозяйств, но и на обеспечение лесной промышленности региона дешевыми трудовыми ресурсами.

Анализ хозяйственно-имущественных показателей позволяет существенно уточнить представления о социальном положении бухтарминских старообрядцев, подвергшихся раскулачиванию в Зырянском районе. Полученные данные свидетельствуют, что большинство хозяйств представляло собой устойчивые семейные производственные комплексы, сочетавшие земледелие, животноводство, пчеловодство и в отдельных случаях мараловодство. При этом имущественные показатели далеко не всегда соответствовали образу крупного кулацкого хозяйства, сформированному в официальной советской классификации.

Наиболее показательны размеры посевных площадей. Почти половина хозяйств (45,9 %) засекала не более 4 десятин, еще 37,9 % – от 5 до 9 десятин. Следовательно, 83,8 % раскулаченных хозяйств имели менее десяти десятин посева. Средний размер пашни составлял 5,5 десятины, что значительно ниже показателей, характерных для кулацких хозяйств Алтая конца 1920-х гг., и сопоставимо скорее с зажиточными середняцкими хозяйствами. Это позволяет предположить, что к моменту проведения раскулачивания значительная часть хозяйств уже утратила прежний производственный потенциал под воздействием налогового давления, ограничительных мероприятий и общего кризиса сельской экономики.

Животноводство также не свидетельствует о массовом существовании крупных хозяйств. Половина семей (50 %) владела не более чем четырьмя лошадьми, а еще 25,9 % – от пяти до девяти. Таким образом, почти 76 % хозяйств имели менее десяти лошадей. Однако в условиях Южного Алтая количество лошадей нельзя оценивать исключительно как показатель имущественного благополучия. Горный рельеф, удаленность сенокосов и пастбищ, отсутствие развитой дорожной сети обуславливали высокую потребность в рабочем и верховом конском составе. Для бухтарминских старообрядцев лошадь являлась важнейшим элементом хозяйственной культуры и средством обеспечения мобильности, поэтому ее наличие определялось прежде всего особенностями природной среды.

Поголовье крупного рогатого скота также характеризовалось преобладанием небольших и средних хозяйств. 67,8 % семей содержали менее десяти голов КРС, тогда как свыше двадцати голов имели лишь 12,5 % хозяйств, а более пятидесяти голов – 3,6 %. Аналогичная ситуация наблюдается и в овцеводстве: более половины хозяйств (55,8 %) владели менее десятком овец, тогда как владельцы крупных отар составляли сравнительно немногочисленную группу. Следовательно, животноводство было ориентировано преимущественно на обеспечение семейного хозяйства, а не на крупное товарное производство.

Особое место в экономике бухтарминских старообрядцев занимало мараловодство – одна из наиболее элитарных специфических отраслей хозяйства Южного Алтая. Возникнув в первой половине XIX в. под влиянием растущего спроса на панты марала на китайском рынке, оно постепенно стало важной составляющей экономики отдельных старообрядческих семей (15,6 % хозяйств). Однако мараловодство не носило массового характера. 84,4 % раскулаченных хозяйств вообще не содержали маралов, тогда как небольшие маральники (1–4 животных) имели лишь 7,8 % семей. Владельцы крупных стад встречались крайне редко: хозяйства, содержавшие более двадцати маралов, составляли всего 2,6 % выборки. Следовательно, мараловодство являлось специализированной отраслью отдельных наиболее предприимчивых хозяйств, а не характерной чертой большинства бухтарминских старообрядцев. Вместе с тем именно эти хозяйства обеспечивали производство высоколиквидной продукции – пантов, экспортировавшихся в Китай, что делало мараловодство одной из наиболее доходных отраслей региональной экономики. Коллективизация, раскулачивание и эмиграция значительной части старообрядцев в Синыцзян привели к резкому сокращению поголовья маралов и фактическому разрушению этой традиционной отрасли хозяйства.

Еще одной отличительной особенностью экономики бухтарминских старообрядцев являлось пчеловодство. Пасеки имелись почти у 60 % хозяйств (59,8 %), причем их размеры свидетельствуют о высокой степени товарности производства. Среди владельцев пасек почти половина содержала от 21 до 40 ульев, а еще 28 % владели крупными пасеками численностью свыше 50 ульев, включая хозяйства, имевшие более ста ульев. В условиях Южного Алтая именно пчеловодство выступало одной из наиболее прибыльных отраслей семейной экономики, обеспечивая устойчивые денежные доходы при относительно небольших земельных ресурсах. В отличие от мараловодства оно носило массовый характер и являлось важнейшей особенностью хозяйственной специализации бухтарминских старообрядцев.

Практически отсутствовало свиноводство: 89,6 % хозяйств не содержали свиней. Это отражало как природно-климатические особенности региона, так и традиционную структуру хозяйства старообрядческого населения, ориентированного преимущественно на земледелие, коневодство, крупный рогатый скот, овцеводство и пчеловодство.

Дополнительную характеристику имущественного положения дают сведения о жилых и хозяйственных постройках. 66,7 % семей владели одним жилым домом, а 66,2 % не имели отдельного амбара. Следовательно, большинство раскулаченных хозяйств не обладало развитым комплексом хозяйственных построек, традиционно рассматриваемым как один из признаков крупного товарного хозяйства.

Особого внимания заслуживает использование наемного труда, которое являлось одним из основных оснований для признания хозяйства кулацким. Архивные материалы подтверждают применение батрачества частью старообрядческих хозяйств, однако количественный анализ свидетельствует, что

потребность в наемных работниках во многом определялась масштабами семейного производства и численностью трудоспособных членов семьи. Между количеством членов семьи и площадью посевов прослеживается устойчивая положительная зависимость: по мере увеличения состава семьи возрастал объем обрабатываемой земли. В хозяйствах, утративших трудоспособных мужчин, а также в периоды сезонных полевых работ привлечение батраков становилось необходимым условием сохранения хозяйства. Следовательно, использование наемного труда далеко не всегда являлось признаком капиталистической эксплуатации, а зачастую отражало объективные особенности функционирования семейной экономики.

Анализ доходности хозяйств показывает их последовательное экономическое ослабление накануне коллективизации. Если в 1919–1927 гг. средний годовой доход составлял около 2109,7 руб., то в 1928 г. он сократился до 1702,5 руб., а в 1929 г. – до 321,4 руб., то есть более чем в шесть раз. Несмотря на это, при составлении характеристик органы власти нередко использовали сведения о доходах наиболее благополучных лет, что искусственно завышало имущественную оценку хозяйств и облегчало их отнесение к категории кулацких.

Характерной иллюстрацией данной тенденции является кулацкое хозяйство Викулы Вавиловича Гановичева (ГВКО. Ф.7. Оп. 1. Д. 160: 49). За период с 1919 по 1930 гг. площадь посевов сократилась почти вдвое, количество лошадей уменьшилось с 15 до 3, крупного рогатого скота – с 30 до 2 голов, значительно сократилось поголовье овец и маралов. Единственной отраслью, сохранившей устойчивое развитие, оставалось пчеловодство, где количество ульев продолжало увеличиваться. Данный пример наглядно демонстрирует, что многие хозяйства подвергались раскулачиванию уже после существенной утраты своего экономического потенциала.

В целом проведенный анализ показывает, что большинство раскулаченных хозяйств бухтарминских старообрядцев представляло собой трудовые семейные хозяйства, приспособленные к природным условиям Южного Алтая и основанные на рациональном сочетании земледелия, животноводства, пчеловодства и, в отдельных случаях, мараловодства. Их экономическая устойчивость обеспечивалась прежде всего многолетним трудом семьи, отраслевой диверсификацией и адаптацией к особенностям горного региона. К моменту проведения раскулачивания значительная часть хозяйств уже переживала сокращение посевных площадей, поголовья скота и денежных доходов, однако именно они были отнесены к категории «кулацких». Это свидетельствует о том, что имущественные показатели далеко не всегда являлись определяющим основанием репрессирования. С позиций современной методологии Государственной комиссии подобная практика позволяет рассматривать раскулачивание бухтарминских старообрядцев не только как инструмент аграрной политики, но и как форму политического преследования, сопровождавшуюся лишением собственности, результатов многолетнего

семейного труда и разрушением традиционной экономической модели одной из наиболее самобытных этноконфессиональных общин Восточного Казахстана.

Раскулачивание бухтарминских старообрядцев как система нарушений естественных прав человека

Современные исследования, выполненные в рамках деятельности Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий, позволяют рассматривать коллективизацию и раскулачивание не только как социально-экономическую или политическую кампанию советского государства, но и как систему массовых нарушений естественных и неотъемлемых прав человека. В соответствии с разработанной методологией оценка репрессивной политики основывается не только на анализе советского законодательства, но и на сравнении его с принципами естественного права и современными международно-правовыми стандартами защиты прав человека. Такой подход позволяет исследовать раскулачивание бухтарминских старообрядцев не только как форму государственного принуждения, но и как целенаправленное разрушение экономической, социальной, семейной и духовной основы существования локального этноконфессионального сообщества.

Одним из наиболее очевидных проявлений репрессивной политики стало нарушение права собственности. Конфискации подлежали практически все элементы хозяйственного комплекса старообрядческих семей: земельные участки, жилые дома, хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктивный скот, пасеки, маральники, запасы зерна и иное имущество. Архивные материалы свидетельствуют, что основанием для конфискации зачастую становилось не совершение противоправных действий, а сам факт хозяйственной успешности, наличия развитого семейного хозяйства или имущественной обеспеченности. В результате ликвидировалась экономическая база существования старообрядческих общин, а право человека свободно владеть, пользоваться и распоряжаться результатами собственного труда фактически отрицалось государственной политикой. Для бухтарминских старообрядцев, традиционно строивших хозяйственную деятельность на семейном труде и многолетнем накоплении имущества, подобная практика означала разрушение экономической самостоятельности, складывавшейся на протяжении нескольких поколений.

Не менее существенным являлось нарушение права самостоятельно добывать средства существования. Традиционная экономика бухтарминских старообрядцев основывалась на сочетании земледелия, животноводства, пчеловодства, мараловодства, охотничьих промыслов и переработки сельскохозяйственной продукции. Именно комплексный характер хозяйства обеспечивал устойчивость семей и позволял существовать в специфических природно-климатических условиях Южного Алтая. Конфискация имущества, последующее принудительное включение в колхозы или высылка полностью разрушали эту экономическую систему. Государство не только изымало имущество, но и лишало людей возможности продолжать традиционную

хозяйственную деятельность, самостоятельно обеспечивать продовольствием свои семьи и распоряжаться результатами собственного труда. Тем самым нарушалось одно из фундаментальных естественных и неотъемлемых прав человека – право обеспечивать свое существование посредством свободного труда и законной хозяйственной деятельности. Особенно тяжелыми последствия оказались для старообрядцев, хозяйственная культура которых была основана на высокой степени самообеспечения и экономической автономии.

Одной из наиболее тяжелых форм репрессивного воздействия стало ограничение права на свободу передвижения. Значительная часть раскулаченных семей была принудительно выселена за пределы постоянного места проживания и направлена в специальные поселения либо на принудительные работы. Насильственное перемещение сопровождалось запретом свободного выбора места жительства, невозможностью возвращения в родные населенные пункты и длительным административным контролем. Для бухтарминских старообрядцев подобные меры имели особое значение, поскольку их локальная идентичность формировалась в тесной связи с конкретным природным пространством Бухтарминской долины, где на протяжении более двух столетий складывались хозяйственные, семейные и конфессиональные связи. Следовательно, высылка означала не только изменение места проживания, но и утрату исторически сформированной среды существования общины.

Особое место занимает нарушение свободы совести и вероисповедания. Хотя формально раскулачивание проводилось по социально-экономическим критериям, в отношении бухтарминских старообрядцев оно объективно затрагивало религиозную организацию общины. Старообрядческая культура основывалась на неразрывной связи религиозной жизни, семейного уклада и хозяйственной деятельности. Разрушение экономически самостоятельных хозяйств, высылка наиболее авторитетных членов общины, ликвидация традиционных поселений и последующая антирелигиозная политика существенно ослабили механизмы воспроизводства конфессиональной идентичности. В результате репрессии были направлены не только против отдельных хозяйств, но и против исторически сложившегося старообрядческого сообщества как особой этноконфессиональной группы.

Не менее важным последствием коллективизации стало нарушение естественного права родителей воспитывать и обеспечивать своих детей. Архивные материалы показывают, что объектом репрессивной политики являлись не отдельные лица, а целые семейные хозяйства, включавшие многочисленных несовершеннолетних детей. Согласно результатам проведенного исследования, большинство раскулаченных представляли собой многодетные семьи, состоявшие из четырех, пяти, шести и более человек, причем значительную часть их членов составляли дети. Конфискация имущества, высылка и утрата источников существования автоматически распространяли последствия репрессий на всех членов семьи независимо от возраста и личной ответственности. Родители лишались возможности самостоятельно обеспечивать детей продовольствием, жильем, необходимыми средствами

существования и продолжать их воспитание в привычной социальной и культурной среде. Таким образом, репрессии носили коллективный характер и затрагивали фундаментальные основы семейной жизни.

Наконец, применительно к бухтарминским старообрядцам особое значение приобретает право сохранять традиционный образ жизни, которое в современной гуманитарной науке рассматривается как составная часть культурных прав личности и исторически сложившихся сообществ. Экономическая самостоятельность, многопоколенная семейная организация, традиционные формы хозяйствования, религиозная жизнь и локальная идентичность составляли единую систему существования бухтарминских старообрядцев. Политика коллективизации была направлена не только на изменение экономических отношений, но и на радикальную трансформацию всей социальной организации общины. Ликвидация семейных хозяйств, разрушение традиционной модели землепользования, принудительное переселение, включение населения в колхозную систему и последующее ослабление конфессиональной жизни привели к глубоким изменениям исторически сформировавшейся модели существования бухтарминских старообрядцев. В этом смысле объектом государственного воздействия являлся не только отдельный человек как собственник или налогоплательщик, но и вся этноконфессиональная общность, обладавшая собственной системой хозяйственных, культурных и духовных ценностей.

Таким образом, раскулачивание бухтарминских старообрядцев следует рассматривать не только как составную часть советской аграрной политики, но и как комплексную систему массовых нарушений естественных и неотъемлемых прав человека. Репрессивная политика была направлена одновременно против имущественной самостоятельности, свободы хозяйственной деятельности, свободы передвижения, свободы совести, права семьи на воспитание детей и сохранение традиционного образа жизни. В совокупности эти меры привели к разрушению социально-экономической и духовной основы существования одной из наиболее самобытных этноконфессиональных общин Восточного Казахстана, что позволяет рассматривать судьбу бухтарминских старообрядцев в контексте современных научно-правовых подходов к изучению массовых политических репрессий, разработанных Государственной комиссией по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Последствия коллективизации для локальных старообрядческих сообществ

Последствия коллективизации для бухтарминских старообрядцев не ограничивались экономическими потерями. Гораздо более глубокие изменения затронули сферу социальной организации, культурной памяти и конфессиональной идентичности сообщества.

Традиционное старообрядческое общество основывалось на устойчивых семейно-родственных связях, религиозной солидарности и высокой степени хозяйственной автономии. Именно эти элементы обеспечивали сохранение

локальной идентичности на протяжении нескольких поколений. Коллективизация фактически разрушила все три составляющие данной системы.

Ликвидация самостоятельных хозяйств подорвала экономическую основу существования старообрядческих общин. Создание колхозов сопровождалось передачей земли, скота и инвентаря в коллективную собственность, что существенно ограничивало возможности сохранения традиционных хозяйственных практик. Особенно заметно это проявилось в сфере пчеловодства, где индивидуальный опыт и семейные традиции играли ключевую роль.

Для бухтарминских старообрядцев последствия коллективизации имели не только экономическое, но и культурное измерение. Под ударом оказались механизмы сохранения религиозных традиций, локальной памяти и исторической идентичности. Именно поэтому история раскулачивания в регионе должна рассматриваться не только как часть социально-экономической политики государства, но и как важный этап трансформации историко-культурного пространства Казахского Алтая.

Заключение

Проведенное исследование показало, что раскулачивание бухтарминских старообрядцев являлось составной частью общей политики коллективизации и ликвидации экономически самостоятельных слоев сельского населения, реализуемой советским государством в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Вместе с тем материалы массовых архивных источников свидетельствуют, что объектом репрессивной политики стали не только казахские байские хозяйства, но и значительная часть русского старожильского населения Казахского Алтая, среди которого особое место занимали бухтарминские старообрядцы.

Количественный анализ архивных документов позволил реконструировать социально-демографический, имущественный и политический портрет раскулаченных старообрядцев, определить особенности их хозяйственной специализации, семейной организации и механизмы включения в категорию «кулацких» хозяйств. Полученные результаты свидетельствуют, что большинство репрессированных представляло собой трудовые семейные хозяйства, адаптированные к природно-климатическим условиям Южного Алтая и основанные на сочетании земледелия, животноводства, пчеловодства и отдельных специализированных отраслей хозяйства. При этом имущественные показатели значительной части хозяйств не соответствовали классическим признакам крупного кулацкого хозяйства, а основания для их репрессирования определялись совокупностью имущественных, социальных, политических и конфессиональных факторов.

Применение методологических подходов Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий позволило выйти за рамки традиционной интерпретации раскулачивания как исключительно социально-экономической кампании. Рассмотрение архивных материалов в контексте сравнительно-правового анализа советского законодательства, естественного права и современных международно-правовых стандартов защиты прав человека дает основания квалифицировать раскулачивание бухтарминских старообрядцев

как элемент единой системы массовых политических репрессий. Ее реализация сопровождалась систематическим нарушением фундаментальных естественных прав человека.

В отношении бухтарминских старообрядцев репрессивная политика была направлена не только против отдельных лиц или хозяйств, но и против локальной этноконфессиональной общины как исторически сложившейся формы социальной, экономической и культурной организации. Конфискация имущества, принудительное выселение, использование труда спецпереселенцев на лесозаготовках, разрушение традиционной системы хозяйствования и религиозной жизни привели к дезинтеграции общины и нарушению механизмов межпоколенческой передачи историко-культурного опыта.

Таким образом, исследование расширяет существующие представления о региональной специфике массовых политических репрессий в Восточном Казахстане и демонстрирует эвристический потенциал новых концептуальных подходов Государственной комиссии. Их применение позволяет рассматривать судьбу бухтарминских старообрядцев не только как один из региональных эпизодов коллективизации, но и как составную часть общей истории политических репрессий в Казахстане, основанной на комплексном анализе государственных репрессивных практик и их последствий для человека, семьи и локального сообщества.

Список литературы и источников:

Государственный архив Восточно–Казахстанской области (ГАВКО). – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 160.

Центр документации новейшей истории Восточно–Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). – Ф. 152. – Оп. 1. – Д. 665.

Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н. Советская власть и сектантские религиозные общины в Казахстане в 1920–1930-е гг. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2022. № 1 (84). С. 20–27.

Алпыспаева Г.А., Аубакирова Х.А. «Постоять за веру, за Христа»: православные Казахстана и обновленческий раскол в Русской Православной Церкви (1920-1940-е гг.) // Вестник КазНУ. Серия Религиоведение. 2024. 39(3). С. 67–77.

Бломквист Е. Э. Гринкова, Н. П. Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко. – (Академия наук СССР : Материалы комиссии экспедиционных исследований; Вып. 17 : Серия Казахстанская). – Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1930. – 464 с. – С. 1–48.

Жакишева, С. А., Ботанов Д. Е. Социальный портрет репрессированных кулаков в Казахстане в 1929–1933 гг. (на примере Зыряновского района Семипалатинского округа) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 51, специальный выпуск, ноябрь 2024 г. Материалы международной научной конференции «Современная историческая информатика: Аналитика данных в исторических исследованиях» и XIX

конференции Ассоциации «История и компьютер». Москва, 15–17 ноября 2024 г. [Электронное издание]. – М.: Президентская академия, 2024. – 203 с. – С. 17–19.

Куприянова, И. В. Взаимодействие русских старообрядцев с аборигенами Алтая как колонизационный ресурс [Электронный ресурс]. 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvieerusskihestarobryadtseveseaborigenamiealtayaekakekolonizatsionnyeresurs> (дата обращения – 20.05. 2026).

Куприянова И.В. Возможности использования культурно–исторического наследия старообрядчества в сфере туризма // Краеведение и туризм. – Вып. 2. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. – С. 265–274.

Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20е50 годы XX века). Т. 22. Неизвестные страницы истории Семипалатинского Прииртышья. Сборник документов и материалов // Составители: Перебеева М.И., Жумадилова М.С., Кадырова Л.К., Калиева К.С., Смагулова А.М., Шалыгин А.Е./ Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана: ТОО «Литер–М», 2022. – 358 с.

Латышев К. А. Историография политики советского государства 1929–1939 гг. в отношении старообрядчества // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021. – № 2. – С. 74–84.

Латышев, К. А. Бухтарминские старообрядцы как этноконфессиональная группа в СССР в постсоветской русскоязычной историографии // Qazaq Historical Review. – 2023. – № 1 (3). – С. 389–406.

Лихачев Е. Крестьянские хозяйства Бухтарминских старообрядцев // Проект Байкал. 2021. Т. 18. № 67. С. 157–162.

Паллас, П. С. Петра Симона Палласа медицины доктора, натуральной истории профессора, Санкт–Петербургской Императорской Академии наук и Вольного экономического общества, Римской Императорской академии, Королевского Английского собрания и члена Берлинского естествоиспытательного общества. Путешествия по разным провинциям Российского государства / пер. с нем. Бунчуковский, Ф. Томанский. – Ч. 2. – Кн. 1 : 1770 г. – Санкт–Петербург : Императорская Академия Наук, 1786. – 496 с. [Электронный ресурс] – URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/pesepallasaedoktoraemedicinyprofessoraenaturalnoyeistoriieputeshestviepoeraznymeprovinciyamerossiyskoyeimperiieche2eknel1770egod> (дата обращения – 20.05. 2026).

Принцц, А. А. Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в Бухтарминский край в 1863 г. // Записки Императорского русского географического общества по общей географии. – Санкт–Петербург : Тип. Императорского акад. наук, 1867. – Т. 1. – С. 543–582.

Швецова, М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западно–Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книжка XXVI. – Омск: Тип. Штаба Сиб. В. Окр., 1899, с. 1–92. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.prilib.ru/item/799159> (дата обращения – 20.05. 2026)/

Ядринцев, Н. М. Алтай и его инородческое царство: Очерк путешествия по Алтаю // Исторический вестник. – 1885. – Т. XX. – №6. – С. 607–644. [Электронный ресурс] – URL: https://bookchain.ai/read/yadrincevenem/altayeieegoeinorodcheskoecarstvoeocherki_eputeshestviyaepoealtayu/.

References:

Gosudarstvennyj arhiv Vostochno–Kazahstanskoj oblasti (GAVKO). – F. 7. – Op. 1. – D. 160.

Centr dokumentacii novejshej istorii Vostochno–Kazahstanskoj oblasti (CDNI VKO). – F. 152. – Op. 1. – D. 665.

Alpyspaeva G.A., Sayahimova Sh.N. Sovetskaya vlast' i sektantskie religioznye obshchiny v Kazahstane v 1920–1930-e gg. // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk. 2022. № 1 (84). S. 20–27.

Alpyspaeva G.A., Aubakirova H.A. «Postoyat' za veru, za Hrista»: pravoslavnye Kazahstana i obnovlencheskij raskol v Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (1920-1940-e gg.) // Vestnik KazNU. Seriya Religiovedenie. 2024. 39(3). S. 67–77.

Blomkvist E. E. Grinkova, N. P. Buhtarminskie staroobryadcy / pod red. S. I. Rudenko. – (Akademiya nauk SSSR : Materialy komissii ekspedicionnyh issledovanij; Vyp. 17 : Seriya Kazahstanskaya). – Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1930. – 464 s. – S. 1–48.

Zhakisheva, S. A., Botanov D. E. Social'nyj portret repressirovannyh kulakov v Kazahstane v 1929–1933 gg. (na primere Zyryanovskogo rajona Semipalatinskogo okruga) // Informacionnyj byulleten' Associacii «Istoriya i komp'yuter». № 51, special'nyj vypusk, noyabr' 2024 g. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Sovremennaya istoricheskaya informatika: Analitika dannyh v istoricheskikh issledovaniyah» i XIX konferencii Associacii «Istoriya i komp'yuter». Moskva, 15–17 noyabrya 2024 g. [Elektronnoe izdanie]. – M.: Prezidentskaya akademiya, 2024. – 203 s. – S. 17–19.

Kupriyanova, I. V. Vzaimodejstvie russkih staroobryadcev s aborigenami Altaya kak kolonizacionnyj resurs [Elektronnyj resurs]. 2019. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-russki-hestaroobryadtseve-seaborigenamie-altaya-ekakekolonizatsionnyyeresurs> (data obrashcheniya – 20.05. 2026).

Kupriyanova I.V. Vozmozhnosti ispol'zovaniya kul'turno–istoricheskogo naslediya staroobryadchestva v sfere turizma // Kraevedenie i turizm. – Vyp. 2. – Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2020. – S. 265–274.

Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20e50 gody HH veka). T. 22. Neizvestnye stranicy istorii Semipalatinskogo Priirtysh'ya. Sbornik dokumentov i materialov // Sostaviteli: Perebeeva M.I., Zhumadilova M.S., Kadyrova L.K., Kalieva K.S., Smagulova A.M., Shalygin A.E./ Pod obshch. red. E.T. Karina. – Astana: TOO «Liter–M», 2022. – 358 s.

Latyshev K. A. Istoriografiya politiki sovetskogo gosudarstva 1929–1939 gg. v otnoshenii staroobryadchestva // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2021. – № 2. – S. 74–84.

Latyshev, K. A. Buhtarminskie staroobryadcy kak etnokonfessional'naya gruppa v SSSR v postsovetskoj russkoyazychnoj istoriografii // Qazaq Historical Review. – 2023. – № 1 (3). – S. 389–406.

Lihachev E. Krest'yanskije hozyajstva Buhtarminskih staroobryadcev // Proekt Bajkal. 2021. T. 18. № 67. S. 157–162.

Pallas, P. S. Petra Simona Pallasa mediciny doktora, natural'noj istorii professora, Sankt–Peterburgskoj Imperatorskoj Akademii nauk i Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva, Rimskoj Imperatorskoj akademii, Korolevskogo Anglijskogo sobraniya i chlena Berlinskogo estestvoispytatel'nogo obshchestva. Puteshestviya po raznym provinciyam Rossijskogo gosudarstva / per. s nem. Bunchukovyj, F. Tomanskij. – Ch. 2. – Kn. 1: 1770 g. – Sankt–Peterburg : Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1786. – 496 s. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/pesepallasaedoktoraemedicinyeprofessoraenaturalnoyeistoriieputeshestviepoeraznymeprovinciyamerossiyskoyeimperiieche2eknel1770egod> (data obrashcheniya – 20.05. 2026).

Printc, A. A. Kamen'shchiki, yasachnye krest'yane Buhtarminskoj volosti Tomskoj gubernii i poezdka v ih seleniya i v Buhtarminskij kraj v 1863 g. // Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchej geografii. – Sankt–Peterburg: Tip. Imperatorskogo akad. nauk, 1867. – T. 1. – S. 543–582.

Shvecova, M. «Polyaki» Zmeinogorskogo okruga // Zapiski Zapadno–Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Knizhka XXVI. – Omsk: Tip. Shtaba Sib. V. Okr., 1899, s. 1–92. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://www.prilib.ru/item/799159> (data obrashcheniya – 20.05. 2026).

Yadrincev, N. M. Altaj i ego inorodcheskoe carstvo: Ocherk puteshestviya po Altayu // Istoricheskij vestnik. – 1885. – T. XX. – № 6. – S. 607–644. [Elektronnyj resurs] – URL: <https://bookchain.ai/read/yadrincevenem/altayeiegoeinorodcheskoecarstvoeocherki eputeshestviyaepoealtayu/>